

24 ДЕК 1976

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

4

№ 103 (5007)

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

К 75-ЛЕТИЮ
АЛЕКСАНДРА
ФАДЕЕВА

КОММУНИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ДРУГ

Это было летом 1939 года. С волнением разворачивала я билет на экзамене по литературе, который сдавала, поступая в Историко-архивный институт. «Образы коммунистов в повести А. Фадеева «Разгром». Прекрасно!

Для нашего поколения, для тех, кто родился в начале двадцатых годов, эта повесть была одной из самых любимых. Ведь в ней рассказывалось о том, что еще так недавно было пережито нашими отцами и старшими братьями. И еще, конечно же, повесть привлекала нас совершенством художественной формы. Написав «Разгром», А. Фадеев как бы установил новый высокий уровень для всей молодой советской литературы. Это был особенный реализм, порожденный революционной эпохой.

Профессиональный партийный работник, Александр Фадеев (он часто любил говорить, что сначала формировался как коммунист, а уж потом как писатель) довел свое произведение до блеска и, может быть, как никто из молодых писателей того времени, завоевал право называться мастером советской литературы.

Минуло более трех лет с того дня, как я, счастливая, получила пятерку. Наступил грозный 1942 год. Вторая военная зима. Помню, сидели в нашей комнате, закопченной от железной, вечно дымящей печки-временки. Раздался стук в дверь. Электричество было выключено, и при свете копилки я не сразу узнала вошедшего, а когда узнала, замерла от радостного волнения. Это был Александр Фадеев. Я много слышала о нем от мужа моего, Юрия Николаевича Либединского, которого связывала с Фадеевым давняя и близкая дружба.

Началась эта дружба в 1923 году, когда Либединский, работая в отделе прозы журнала «Молодая гвардия», прочел первое произведение Фадеева — повесть «Разлив».

— Рукопись рисовала природу необыкновенную, с высокими кедром, горами-сопками, долинами-паднями и буйной рекой, сокрушительный разлив которой описывался в этой маленькой повести, — рассказывал мне Либединский. — И люди, о которых писал автор, были под стать природе, сильные и смелые, страстные и правдивые.

Через несколько дней автор повести пришел в редакцию, очень молодой, высокий человек с яркими синими глазами, со взглядом серьезным и словно бы испытующим...

С тех давних времен завязалась их дружба, продолжавшаяся до последнего дня жизни Фадеева. Впрочем, в тот зимний вечер 1942 года до последнего дня было так далеко!

...Мы быстро растопили печку, вскипятили чай и медленно пили его вприкуску. Фадеев подробно рассказывал о своей книге «Ленинград в дни блокады», которую только что закончил. С гордостью и тревогой говорил о писателях, находящихся на фронте Отечественной войны, расспрашивал о нашем житье-бытье.

Много было потом встреч и застолий, и всегда меня поражало то, что главной темой разговоров Фадеева была работа о советской литературе, радость по поводу тех или иных новых книг. Работа товарищей, их жизнь были как бы неотделимой частью его собственной жизни. Внимательно наблюдая за ним во время этих разговоров, я видела, как менялось выражение его глаз:

они становились то добрыми, то грустными, то веселыми и решительными, то яростными, когда речь шла о чем-нибудь, возмущавшем его, но никогда не было в них тусклого равнодушия или мелочного ожесточения.

Смолodu подчинив свою жизнь и деятельность интересам партии, прямым указаниям Центрального Комитета, он до конца оставался верным идеалам своей юности и не переносил двоедушия. Он, с юных лет посвятивший себя борьбе за революцию, за становление нашего социалистического общества, за отстаивание в советской литературе партийных и гражданских принципов, требовал этого же от своих друзей и товарищей. И не было для него большей радости, как убеждаться в торжестве того дела, которому он отдал жизнь.

Мне вспоминается еще одна встреча. Это было 15 сентября 1943 года. Фадеев заехал к нам, чтобы поздравить с рождением дочки; вечером он уезжал в Краснодар. За несколько дней до этого в «Правде» появилась статья Фадеева о героях «Молодой гвардии».

— Это поразительно, понимаете, поразительно! — говорил он, обращаясь к нам. — Вы только подумайте, эти мальчишки и девчонки сумели создать настоящую подпольную организацию! Они вели себя как истинные революционеры. Это мы, наша действительность воспитали их такими. Мне поручено написать развернутый очерк о героях Краснодона. Но, может быть, получится что-либо посильнее...

Получился роман. Исполненный благородства и революционной романтики, роман «Мо-

лодая гвардия», который учит молодежь вот уже нескольких поколений верности коммунистическим идеалам, любви к Отчизне, высоте и чистоте человеческих отношений.

Фадеев дал своим героям бессмертие. Молодогвардейцы живут не только на страницах его книги, но и на экране, в прекрасном фильме, созданном по роману Сергеем Герасимовым, и в замечательном спектакле, который много лет не сходит со сцены Центрального детского театра.

Недавно мне пришлось вести телепередачу для старших школьников, посвященную книге «Молодая гвардия», и я спросила ребят:

— Наше поколение читает с таким волнением роман «Молодая гвардия» еще и потому, что он рассказывает о наших сверстниках... А вам чем дорог этот роман?

И один из мальчиков ответил:

— Молодогвардейцы — наши современники! Мы хотим быть такими, как они. И не только во время войны, но и в мирной жизни. Мы учимся у них дружбе идейной и принципиальной, мы хотим, как они, посвятить свою жизнь борьбе за счастье людей.

И я подумала, что Александр Фадеев был бы счастлив, услышав эти слова московского школьника.

На Дальнем Востоке, в городе Уссурийске, в одной из школ есть прекрасный музей А. Фадеева. Ребята прошли по маршрутам партизанского отряда, в котором воевал А. Фадеев, собрали воспоминания его боевых соратников, уникальные фотографии. И когда я осматривала этот небольшой по объему, но такой значительный по содержанию музей, я невольно думала о том, какая огромная любовь к сво-

ему земляку, уважение к его большому таланту двигали теми, кто его создавал.

И то, что неподалеку от школы, где расположен музей, бережно сохраняется паровоз, в топке которого были зверски уничтожены японскими интервентами большевики Сергей Лазо и Всеволод Сибицев — двоюродный брат А. Фадеева, как бы подтверждает достоверность фадеевских книг — и повести «Разгром», и романа «Последний из Удэге».

В романе «Последний из Удэге» Фадеев вышел из узких рамок изображения судьбы одного партизанского отряда и охватил все стороны жизни Дальнего Востока революционных лет, все его социальные классы и группы.

«Нам первым, — говорил Фадеев, — выпало на долю счастья рассказать людям о социалистической жизни и о том, как она была завоевана. Нам выпало на долю счастья — детскими еще губами произнести такие слова в художественном развитии человеческого, какие до нас не мог сказать ни один, даже самый крупный из художников прошлого».

Осознавая это, Фадеев осознавал и ту огромную ответственность, которую «счастье произнести такие слова» накладывало на всю советскую литературу.

Друг Александра Фадеева, писатель Марк Колосов, вспоминает, что была у Фадеева мечта: пройти когда-нибудь пешком из Москвы во Владивосток. Мечте этой, не суждено было сбыться. Но почему-то, когда я думаю о нем, мне порой кажется, что ушел Фадеев в это далекое путешествие и что мы еще с ним обязательно свидимся...

Л. ЛИБЕДИНСКАЯ.